

В.В. Шапошникова

Ростова Наташа

Наташа появляется в романе тринадцати лет, «в том возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка», «черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками, выскочившими из корсажа от быстрого бега, с своими сбившимися назад черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках». От Наташиного громкого смеха засмеялись все, даже чопорная гостья. Однако когда гостья, снисходя до детского уровня, задала Наташе вопрос о ее кукле, Наташа ничего не ответила и «серьезно» посмотрела на даму, но вскоре выбежала из гостиной, не в силах более удерживаться от смеха.

В цветочной она ждала Бориса, в которого была «влюблена», и случайно оказалась свидетелем поцелуя Николая и Сони. Дождавшись Бориса, Наташа сначала предложила ему поцеловать куклу, а когда увидела, что молодой офицер выжидательно медлит, то, «исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача от волнения», спросила, хочет ли он ее поцеловать. И когда Борис снова не обнаружил решимости, вдруг вскочила на кадку, обняла его обеими руками и поцеловала в самые губы. После слов Бориса, напомнившего ей, что будет просить ее руки через четыре года, она успокоилась и обрадовалась.

На именинном обеде «отчаянная и веселая решимость» не покинула ее: приглашая взглядом Пьера, сидевшего напротив, прислушаться, Наташа громко осмелилась спросить (чему не верил Петя), какое будет пирожное. Узнав, что будет мороженое, она не успокоилась и «капризно-весело» закричала, что не любит сливочное. Все смеялись над смелостью и ловкостью этой девочки, умевшей и смевавшей обращаться к Марье Дмитриевне Ахросимовой. Наташа отстала только тогда, когда сказали ей, что будет ананасное.

Наташа умела откликнуться на чужое горе и помочь ему. После обеда Наташа пошла искать Соню, чтобы спеть перед гостями «Ключ», и нашла Соню плачущей. И Наташа заревела как ребенок, не зная причины, только оттого, что Соня плакала.

Когда в середине зимы 1805–1806 года граф Ростов получил письмо от Николеньки из действующей армии, то, боясь воздействия его содержания (Николай был ранен) на графиню, скрыл его на время от всех, кроме Анны Михайловны. Наташа догадалась о письме. Из всего семейства более всех одаренная способностью чувствовать оттенки интонаций, взглядов и выражений лиц, она почувствовала, что есть что-то между ее отцом и Анной Михайловной, касающееся ее брата, и выпытала новости у Анны Михайловны. Она заметила и состояние Николая после проигрыша Долохову. Долохов понравился всем, кроме Наташи. Она настаивала на том, что это злой человек, что он неприятен и неестественен, что в дуэли с Пьером виноват Долохов. Она сказала Николаю о своих предчувствиях — он не женится на Соне. Ее замечательное чутье проявлялось и в танцах — на балу у Иогеля в паре с Денисовым Наташа «чутьем угадывала то, что он намерен был сделать, и, сама не зная как, следила за ним — отдаваясь ему». Это чутье — одно из проявлений естественности ее натуры.

В зиму 1806 года Наташа начала серьезно петь, и это пение было прекрасно своею естественностью. «В то... время, когда звучал этот необработанный голос с неправильными придыханиями и с усилиями переходов, даже знатоки-судьи ничего не говорили и только наслаждались этим необработанным голосом, и только желали еще раз услышать его. В голосе ее была та девственность, нетронутость, то незнание своих сил и та необработанная еще бархатность, которые так соединялись с недостатками искусства пения, что, казалось, нельзя было ничего изменить в этом голосе, не испортив его».

Естественна и своеобразна она и в ситуации, когда Денисов сделал ей предложение. Пятнадцатилетняя Наташа убеждает мать: не надо отказывать — хотя она и не влюблена в Денисова, но ей его жалко. А Денисова она утешает: «Но вы такой славный... но не надо... это... а так я вас всегда буду любить».

Наташино радостное мироощущение имело сильнейшее влияние на князя Андрея. После Аустерлица и смерти жены князь Андрей посетил имение Ростовых Отрадное. Наперерез его коляске бежала толпа девушек с веселым криком, а впереди всех — «очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая девушка в желтом ситцевом платье, повязанная белым носовым платком, из-под которого выбивались пряди расчесавшихся волос». От этой картины князю Андрею стало больно: этот хороший день, эта счастливая девушка существовали как бы отдельно от него.

Ночью голос Наташи услышал князь Андрей — его комната располагалась этажом ниже. Наташа долго не могла уснуть и, видимо, высунулась в окно, потому что князь Андрей слышал шуршанье ее платья и даже дыханье. Наташа, не в силах спать, мешая спать Соне, говорит: «Ведь этакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало... Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки — туже, как можно туже, натужиться надо, — и полетела бы. Вот так!» Эта сцена произвела в князе Андрее неожиданную путаницу молодых мыслей и надежд.

Прелесть Наташи чувствовал в тот год и Борис Друбецкой. Наташа не видела Бориса, с которым ее связывали детские влюбленные отношения, с 1805 года. Борис в этот визит имел намерение дать почувствовать необязательность детских давних обещаний, но попал под обаяние похорошевшей, прелестной Наташи. И он целые дни проводит у Ростовых, несмотря на укорительные записки Элен. Во время ночного разговора мать пытается убедить Наташу, что Борису ездить к Ростовым неприлично, что это может повредить репутации Наташи, которая, по убеждению матери, не любит Бориса. Наташа не понимает, почему нельзя ездить, если обоим от этого весело. «Не замуж, а так», — пытается она найти формулировку, из-за которой мать засмеялась добрым старушечьим смехом. Душевная чистота и житейская неискушенность Наташи парадоксальным образом помогают ей понять сущность других, хотя выразить свое знание в общепринятой форме она не умеет. По ее определению, Борис Друбецкой «узкий такой, как часы столовые ... Узкий, знаете, серый, светлый...», а Пьер Безухов «синий, темно-синий с красным, и он четверугольный». Улегшись наконец в свою кровать, Наташа счастливо думает о себе в третьем лице и воображает, что это говорит про нее самый умный и самый хороший мужчина: «Все, все в ней есть... умна необыкновенно, мила и, потом, хороша, необыкновенно хороша, ловка — плавает, верхом ездит отлично, а голос! Можно сказать, удивительный голос!»

Прелесть и естественность Наташи перевернули всю жизнь князя Андрея. Накануне нового 1810 года Ростовы были на балу у екатерининского вельможи. Они опоздали из-за Наташи: желая успеть всюду, она устраивала туалеты матери и Сони, и ее платье оказалось не готовым.

Когда вместе с матерью и Соней она пошла между цветами по освещенной лестнице, пульс ее застучал сто раз в минуту, она забыла (к счастью) о той величественной позе, которую она хотела принять, и шла, замирая от волнения. По вопросам, сделанным графу, она поняла, что понравилась тем лицам, что обратили на нее внимание. Пьер обещал ей быть на бале и представить кавалеров; она увидела его, но Пьер остановился с Болконским.

Между тем польский начался, и Наташа почувствовала, что ее оттесняют к стене — кавалеров у Ростовых не было. Она стояла, опустив свои тоненькие руки, и с мерно поднимающеюся, чуть определившейся грудью, сдерживала дыхание, блестящими испуганными глазами глядела перед собой, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Мимо прошли князь Андрей, Анатолий, Борис.

Начался вальс, и Пьер сообщил князю Андрею о своей протееже. Болконский прервал мало занимавший его разговор и увидел отчаянное, замирающее лицо Наташи. Он узнал ее, угадал ее чувство, понял, что она только начинает светскую жизнь, вспомнил ее разговор на окне и с веселым выражением лица подошел к графине Ростовой, предложив ей тур вальса.

Лицо Наташи осветилось счастливою, благодарною, детскою улыбкою. ««Давно я ждала тебя», – как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея». Князь Андрей был один из лучших танцоров своего времени. Наташа танцевала превосходно. Ножки ее в бальных атласных башмачках быстро и легко делали свое дело, а лицо сияло восторгом счастья. «Ее плечи были худы, грудь неопределенна, руки тонки... Наташа казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ее не уверили, что это так необходимо надо».

Болконский выбрал ее случайно, но едва он начал с ней танцевать, «вино ее прелести ударило ему в голову: он почувствовал себя ожившим и помолодевшим». Потом Наташу приглашали Борис, танцор-адъютант, другие молодые люди, и Наташа, передавая своих излишних кавалеров Соне, счастливая и раскрасневшаяся, не переставала танцевать целый вечер.

Она ничего не замечала, не видела даже государя. Один из веселых котильонов, перед ужином, князь Андрей опять танцевал с Наташей. Он напомнил ей об их первом свидании в отраденской аллее и о том, как она не могла заснуть в лунную ночь и как он невольно слышал ее. Наташа «покраснела при этом напоминании и старалась оправдаться, как будто было что-то стыдное в том чувстве, в котором невольно подслушал ее князь Андрей».

Наташа, с ее удивлением, радостью, робостью, ошибками во французском языке, не имела на себе общего светского отпечатка, и князь Андрей отметил ее. Сидя рядом на бале, он любовался на радостный блеск ее глаз и улыбки, выражавшей внутреннее счастье, на ее робкую грацию в танце. Он совершенно неожиданно загадал: если сначала она подойдет к кухне, то будет моей женой. И Наташа действительно подошла прежде к кухне. Он увидел, как она мила и особенна, какая это редкость. Наташа же находилась на той высшей ступени счастья, когда человек делается вполне добр и хорош и не верит в возможность зла и горя: поэтому Наташа утешила Пьера, увидев его несчастное лицо.

Через день Болконский поехал к Ростовым: ему хотелось видеть дома эту особенную, оживленную девушку. Наташа одна из первых встретила его. В домашнем синем платье она показалась князю еще лучше, чем в бальном. Прием был радушный, Ростовы показались князю Андрею прекрасными, простыми, добрыми людьми — и тем фоном, на котором выделялась эта поэтическая, переполненная жизнью, прелестная девушка. Он чувствовал в Наташе присутствие чуждого мира, который когда-то так дразнил и манил его; теперь он вступал в этот мир благодаря Наташе.

После обеда Наташа по просьбе князя Андрея пошла к клавибордам и стала петь. В середине фразы он почувствовал, что к его горлу подступают слезы, возможность которых он не знал за собой. Когда она спросила его о своем голосе, то смутилась: она поняла, что не надо было спрашивать. В ночь после первого свидания Болконский стал делать счастливые планы на будущее.

На вечере у Берга Пьер заметил резкую перемену в Наташе со дня бала: она «была молчалива и не только не была так хороша, как она была на бале, но она была бы дурна, ежели бы... не имела такого кроткого и равнодушного ко всему вида». Князь Андрей с бережливо-нежным выражением стоял перед ней и говорил ей что-то. Она смотрела на него, и «яркий свет какого-то внутреннего, прежде потушенного огня, опять горел в ней». Она вся преобразилась и опять стала такой же, какую она была на бале. Пьер решил, что между Наташей и князем Андреем происходит что-то важное.

Князь Андрей стал ездить к Ростовым и проводить с Наташей целые дни. В душе Наташи, испуганной, но счастливой и восторженной, как и во всем доме, чувствовался страх перед чем-то важным, имеющим совершиться. Князь Андрей поражал Наташу своей робостью. Она чувствовала, что он не мог решиться сказать ей что-то, но одновременно она чувствовала страх перед ним.

После этого вечера Наташа долго лежала в постели матери и долго рассказывала ей о князе Андрее — то о том, как он поедет за границу, то что он спрашивал, где они будут жить это лето, то как он спрашивал ее про Бориса. Она призналась матери: «Но такого, такого... со мной никогда не бывало!.. Только мне страшно при нем, мне всегда страшно при нем, что это значит? Значит, что это настоящее?» Наташе казалось, что она влюбилась в князя Андрея, еще когда в первый раз увидела его в Отрадном. Она была уверена: это судьба. Ее беспокоит почти детское ощущение («это не стыдно, что он вдовец?»), она плачет «слезами счастья», ей «хорошо».

В то же самое время князь Андрей говорит Пьеру о своей любви к Наташе и твердом намерении жениться на ней. Он появился у Ростовых только через три недели — ездил к отцу, и тот не одобрил выбора сына. Наташа, не зная причин, тяжело переживала его отсутствие, беспрестанно краснела и раздражалась. Ей казалось, что все знают о ее разочаровании, смеются и жалеют ее. И она решает вернуться к прежнему образу жизни, когда Болконского как бы и не существовало.

Надев любимое платье, башмаки, после чая Наташа стала петь сольфеджио, и ей стало весело, она вернулась к любимому состоянию любви к себе: «Что за прелесть эта Наташа! Хороша, голос, молода, и никому она не мешает, оставьте только ее в покое». Но прежнего покоя уже не было. Внутренним чутьем она безошибочно ощущает появление Болконского. «Она слушала звуки в передней... Это был *он*. Она это верно знала, хотя чуть слышала звук его голоса из затворенных дверей». С тревожным и серьезным лицом Болконский вошел в гостиную; как только он увидел Наташу, лицо его просияло.

Он попросил разговора у графини. Наташа не сразу смогла уйти, она неучтиво, прямо, открытыми глазами смотрела на князя, а уходя, взглянула испуганно и умоляюще. После формального сватовства Болконского мать пошла искать девушку и нашла ее у образа — Наташа быстро крестилась и шептала что-то. «Неужели этот чужой человек сделался теперь *все* для меня?» — спросила она себя и мгновенно ответила: «Да, все: он один теперь дороже для меня всего на свете». «Могу ли я надеяться?» — спрашивает Наташу Болконский. «Он взглянул на нее, и серьезная страстность выражения ее лица поразила его. Лицо ее говорило: “Зачем спрашивать? Зачем сомневаться в том, чего нельзя не знать? Зачем говорить, когда нельзя словами выразить того, что чувствуешь?”» Она «улыбнулась сквозь слезы, нагнулась ближе к нему, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его».

«Неужели это я, та девочка-ребенок (все так говорили обо мне), — думала Наташа, — неужели я теперь с этой минуты *жена*, равная этого чужого, милого, умного человека, уважаемого даже отцом моим? Неужели это правда? Неужели правда, что теперь уже нельзя шутить жизнью, теперь уж я большая, теперь уж лежит на мне ответственность за всякое мое дело и слово?»

Узнав, что свадьба откладывается на год, Наташа зарыдала. «Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно! — вдруг заговорила Наташа и опять зарыдала. — Я умру, дожидаясь года: это нельзя, это ужасно». Она взглянула в лицо своего жениха и увидела в нем выражение сострадания и недоумения. «Нет, нет, я все сделаю, — сказала она, вдруг остановив слезы, — я так счастлива!»

Обручения не было, и никому не было объявлено о помолвке Болконского с Наташей: на этом настоял князь Андрей. Он заявил, что связал себя словом навеки, но Наташа молода и неопытна, она должна проверить себя: ей он предоставляет полную свободу — через полгода она может отказать ему, если поймет, что не любит.

Князь Андрей бывал каждый день у Ростовых, но обращался с Наташей не как жених. Между ним и Наташей установились близкие, простые отношения. В семействе к нему все привыкли. Наташа постоянно угадывала чувства князя Андрея, любила, когда он смеялся, — после этого она чувствовала себя ближе к нему. Уезжая, он поручил Наташу заботам Пьера Безухова, которому поведал свою тайну.

Предстоящая разлука с женихом тяжело сказывалась на Наташе. «Красная и взволнованная, с сухими глазами, она ходила этот день по дому, занимаясь самыми ничтожными делами, как будто не понимая того, что ожидает ее. Она не плакала и в ту минуту, как он, прощаясь, последний раз поцеловал ее руку. «“Не уезжайте!” — только проговорила она ему таким голосом, который заставил его задуматься о том, не нужно ли ему действительно остаться, и который он долго помнил... Когда он уехал, она тоже не плакала; но несколько дней она, не плача, сидела в своей комнате, не интересовалась ничем и только говорила иногда: Ах, зачем он уехал!»

В разлуке с женихом Наташа, по наблюдению брата, приехавшего домой в отпуск, «была ровна, спокойна, весела совершенно по-прежнему», но иногда бешено весела.

15 сентября в отраденском имении Ростовых готовились ехать на охоту, и Наташа не захотела отставать. Она ловко и уверенно сидела на своем верном Арабчике, вызывая восхищение окружающих. После того как затравили зайца, когда все чувствовали себя победителями, Наташа визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Несмотря на странность этого визга никто не удивился ему — здесь он был очень уместен.

После охоты молодые Ростовы остались ночевать у дядюшки. В ожидании угощения все расположились на диване. Петя уснул, а Наташа с Николаем, переполненные впечатлениями, расхохотались, «не успев еще придумать предлога для своего смеха».

Все веселило Наташу: дядюшка, его угощения, поданные Анисьей, песня, которую играл на балалайке кучер. Когда дядюшка сыграл «По улице мостовой», Наташа вскочила, обняла дядюшку и поцеловала его. Дядюшка встал, «оторвал аккорд», «Наташа сбросила с себя платок... забежала вперед дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движение плечами и стала. Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale*¹ давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка». Все любовались ею. Анисья Федоровна подала ей необходимый для танца платок и сквозь смех прослезилась, глядя на графиню, которая «умела понять все то, что было и в Анисье... и во всяком русском человеке». Потом дядюшка сыграл «Как со вечера пороша», и Наташа подобрала на гитаре аккорды к песне. «Что делалось в этой детски восприимчивой душе, так жадно ловившей и усваивавшей все разнообразнейшие впечатления жизни? Как это все укладывалось в ней? Но она была очень счастлива».

На святках, в скучное послеобеденное время, Наташа, блестя глазами и не улыбаясь, сказала матери: «Мама, мне *ego* надо. За что я так пропадаю, мама?» — и вышла из комнаты, желая скрыть слезы. Она ощущала время без князя Андрея как прожитое зря. Иногда ей казалось: все, что она видит, уже было когда-то. Ее томит смутное чувство родства со всем жившим и живущим на земле, чувство причастности ко всему, что есть во вселенной («...Я знаю наверно, что мы были ангелами там где-то и здесь были, и от этого все помним...»); «Ведь душа бессмертна... стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила»; «Отчего же трудно представить вечность? Нынче будет, завтра будет, всегда будет, и вчера было и третьего дня было...»). Нервы ее напряжены, любой пустяк может вывести Наташу из равновесия. Когда Петя неосторожно прервал ее песню сообщением, что пришли ряженые, Наташа вдруг упала на стул и зарыдала так, что долго потом не могла остановиться.

¹ *Pas de chale* (фр.) — танец с шалью.

Однако собственное томительное ожидание не мешало ей радоваться за других: во время поездки с ряжеными к соседке Наташа поняла, что между Соней и Николаем происходит что-то важное, и одобрила чувства брата. Ее чутье, любовь не дали разгореться вражде между матерью и Николаем из-за Сони: слова ее были бессмысленны, но они достигли того результата, к которому она «стремилась» — спорящие остановились и не перешли опасной черты.

В конце января граф, Наташа и Соня поехали в Москву: сюда ждали князя Андрея, надо было готовить приданое и продавать подмосковную. В Москву приехал старый Болконский, и было удобно представить ему будущую невестку.

Дом Ростовых в Москве был нетоплен, и они остановились у Марьи Дмитриевны Ахросимовой, пожелавшей свести Наташу с княжной Марьей. Старый Болконский отказался принять Ростовых, и с ними разговаривала княжна Марья. Из-за присутствия Бурьен, из-за зависти и ревности к женщине, которая ближе брату, чем она сама, княжна Марья встретила Наташу совсем не так, как хотела, и Наташа оскорбилась таким приемом. «...Все ей было неприятно. Княжна Марья ей не нравилась. Она казалась ей очень дурной собою, притворною и сухою. Наташа вдруг нравственно съезжилась и приняла невольно такой небрежный тон, который еще более отталкивал от нее княжну Марью». Недоброжелательство Наташи усилилось после выхода к ним князя Болконского в нарочито неприглядном виде, в колпаке, халате и с шутовскими манерами. После, у себя, Наташа долго плакала. Это было впервые, когда ее не любили.

Вечером они поехали в оперу: Наташа не могла отказаться от любезности Марьи Дмитриевны, хотя ей самой ехать не хотелось. Она была очень хороша в тот вечер; стоило им с Соней появиться в ложе бенуара, как на них устремились восхищенные взгляды, сама же Наташа обратила внимание на красоту графини Безуховой.

Спектакль казался Наташе диким и неестественным по контрасту с деревенскими картинами: «она видела только крашенные картоны и странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что все это должно было представлять, но все это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них». Однако, поддавшись всеобщему восхищению, она пришла в давно не испытанное ею состояние опьянения: «Она не помнила, что она и где она и что перед ней делается. Она смотрела и думала, и самые странные мысли неожиданно, без связи, мелькали в ее голове. То ей приходила мысль вскочить на рампу и пропеть ту арию, которую пела актриса, то ей захотелось зацепить веером недалеко от нее сидевшего старичка, то перегнуться к Элен и защекотать ее». В партер в это время вошел Анатолий Курагин, которого Наташа когда-то видела на петербургском бале. Он весь антракт смотрел на ложу Ростовых, потом прошел в ложу сестры и смотрел на Наташу восхищенным, ласковым взглядом; потом, во время второго акта, неотрывно наблюдал за ней из партера. Элен пригласила Наташу в свою ложу, и она покраснела от похвалы красавицы.

В антракте в ложу вошел Анатолий и очень просто разговаривал с Наташей, пригласив ее на праздник. Ей было приятно его восхищение, но и «тесно и тяжело» в его присутствии: «...Глядя ему в глаза, она со страхом чувствовала, что между им и ею совсем нет той преграды стыдливости, которую всегда она чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная как, через пять минут чувствовала себя страшно близкой этому человеку... Они говорили о самых простых вещах, а она чувствовала, что они близки, как она никогда не была с мужчиной». Отошли все мысли, связанные с князем Андреем, Наташа совершенно доверилась окружающему; она думала, что если другим не кажется то, что она делала, плохим, значит, оно и не дурно на самом деле. Она следила глазами за Курагиным и плохо понимала содержание четвертого акта.

Подсаживая ее в карету после спектакля, Анатолий пожал Наташе руку, и, взволнованная, красная и счастливая, она улыбнулась ему.

Дома она ужаснулась тому, что сделала, она не могла в себе разобраться, и мать не могла помочь — она осталась в Отрадном. «...Инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви ее к князю Андрею погибла».

У нее было предчувствие: или князь Андрей никогда не приедет, или прежде чем он приедет, с ней случится что-нибудь. Мешали думать об Андрее воспоминания об его отце, о княжне Марье, о спектакле, о Курагине. Элен пригласила Наташу к себе — мысль свести брата с Наташей забавляла ее.

Граф Илья Андреевич повез своих девиц к графине Безуховой и, заметив, что общество собралось известное вольностью поведения, не спускал глаз с Наташи и не давал Анатолю возможности приблизиться к ней. Но Анатолю все же нашел удобный момент и начал говорить Наташе о своих чувствах, затем Элен упросила графа остаться на бал. Во время вальса Курагин сказал Наташе, что любит ее. Наташа взволнованно сомневалась, не приснилось ли ей это, она была испугана, просила не говорить ей ничего подобного, но Анатоля ее просьбы ничуть не смущали. Она постоянно чувствовала на себе его взгляд, просила отца не уезжать, была как в тумане, и в маленькой диванной Анатолю горячо поцеловал ее. Красная и дрожащая, Наташа взглянула на него испуганно и пошла к двери. «Вернувшись домой, Наташа не спала всю ночь; ее мучил неразрешимый вопрос, кого она любила: Анатоля или князя Андрея? Князя Андрея она любила — она помнила, как сильно она любила его. Но Анатоля она любила тоже, это было несомненно. «Иначе разве все это могло бы быть? — думала она. — Ежели я могла после этого, прощаясь с ним, могла улыбкой ответить на его улыбку, ежели я могла допустить до этого, то значит, что я с первой минуты полюбила его. Значит, он добр, благороден и прекрасен, и нельзя было не полюбить его. Что же мне делать, когда я люблю его и люблю другого?» — говорила она себе, не находя ответов на эти страшные вопросы.

Наташа не спала всю ночь, а утром ей передали письмо от княжны Марьи. Марья просила о новой встрече и надеялась, что их отношения уладятся. Наташа никак не могла сочинить ответ, хотя два раза и принималась. Мысли ее путались. «Отчего же бы это не могло быть вместе? — иногда, в совершенном затмении, думала она. — Тогда только я бы была совсем счастлива, а теперь я должна выбрать, и ни без одного из обоих я не могу быть счастлива. Одно, — думала она — сказать то, что было, князю Андрею или скрыть — одинаково невозможно. А с *этим* ничего не испорчено. Но неужели расстаться навсегда с этим счастьем любви к князю Андрею, которым я жила так долго?»

Служанка передала Наташе письмо Анатоля — он писал о своей страстной любви и сообщил о намерении похитить Наташу. Это письмо случайно прочитала Соня. Вначале Наташа пыталась объяснить, что она любит Анатоля и стала его «рабой», а затем «злбно кричала» на Соню. Наташа коротко написала княжне Марье письмо, в котором отказала князю Андрею: хитрить и выгадывать она не умела.

На большом обеде у Курагиных Наташа о чем-то тайно говорила с Анатодем, по возвращении домой убеждала Соню в чистоте намерений Анатоля (ничего другого она не подозревала в людях). Поскольку Соня держала себя с ней строго и серьезно, Наташу это привело в крайнее раздражение. «Я боюсь, что ты погубишь себя», — решительно сказала Соня, сама испугавшись того, что она сказала. Лицо Наташи опять выразило злобу. «И погублю, погублю, как можно скорее погублю себя. Не ваше дело. Не вам, а мне дурно будет. Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя»... «Ненавижу, ненавижу! И ты мой враг навсегда!»

С этого дня Соня стала следить за своей подругой, видя в этом исполнение долга перед родителями Наташи. Узнав, что опять было передано письмо, Соня поняла, что Наташа готовится к бегству. Она должна была в десять часов вечера выйти на крыльцо, сесть в подготовленную тройку и ехать далеко за город, где их должен был обвенчать расстриженный поп. После этого они собирались за границу — у Анатоля уже были готовы и деньги и документы. Марья Дмитриевна, застав заплаканную Соню в коридоре, быстро разобралась во всем и с перехваченной запиской в руке вошла к Наташе. Назвав ее

мерзавкой и бесстыдницей, она заперла Наташу на ключ и вошла к ней только после того, как похитители, попав в засаду, бежали.

После гневных речей Марья Дмитриевна с усилием повернула лицо Наташи, лежащей на диване и вскидывающейся от беззвучных, судорожных рыданий, — глаза Наташи были «блестящи и сухи, губы поджаты, щеки опустились». Она злым усилием вырвалась и отвернулась. В ответ на увещевания Марьи Дмитриевны она закричала, чтобы все оставили ее и зачем они ей помешали. С ней сделался озноб и дрожь. Покрытая одеялом, она лежала всю ночь с открытыми глазами и ни с кем не разговаривала. И утром она, с потрескавшимися губами, сухими остановившимися глазами все ждала его: вглядывалась в проезжающих по улице, оглядывалась на входящих. Отцу о случившемся ничего не сказали.

Марья Дмитриевна рассказала все Пьеру и просила его удалить Курагина из Москвы, боясь дуэли и срама. Наташа хотела услышать от самого Пьера подтверждение известия о том, что Анатолий женат. После этого она была не в силах говорить.

В ту же ночь Наташа отравилась мышьяком, который она тихонько достала. Испугавшись, она разбудила Соню, и были приняты меры против яда, жизнь ее была вне опасности, но Наташа была очень слаба.

На обеде в клубе Пьер пытался восстановить репутацию Ростовых и опровергал слухи о похищении. Вечером накануне приехал князь Андрей. Он возвратил через Пьера письма и портрет Наташи. Она захотела увидеть Пьера.

Исхудавшая, с бледным и строгим лицом, совсем не пристыженная, как это представлялось Пьеру, Наташа стояла посредине гостиной. Близко подойдя к Пьеру, она не подала руки и остановилась, тяжело дыша и безжизненно опустив руки. «Нет, я знаю, что все кончено, — сказала она поспешно. — Нет, это не может быть никогда. Меня мучает только зло, которое я ему сделала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить, простить меня за все...» — Она затряслась всем телом и села на стул». Пьер спросил, любила ли она Курагина, и Наташа ответила, что ничего не знает, и заплакала. Чувство жалости, нежности и любви охватило Пьера, из его глаз текли слезы. Он, называя ее своим другом, просил во всем рассчитывать на него. Наташа, считая, что не стоит этого, хотела уйти из комнаты, но Пьер удержал ее за руку. «Он знал, что ему нужно что-то еще сказать ей. Но когда он сказал это, он удивился сам своим словам. “Перестаньте, перестаньте, вся жизнь впереди для вас”, — сказал он ей. “Для меня? Нет! Для меня все пропало”, — сказала она со стыдом и самоунижением. “Все пропало? — повторил он. — Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей”. Наташа в первый раз после многих дней заплакала слезами благодарности и умиления...»

Болезнь Наташи была так серьезна, что для нее и родных история с похищением и отказом отошла на второй план. Она не ела, не спала, заметно худела, кашляла и была в опасности, как давали понять доктора. Они прописали ей самые разнообразные лекарства, члены семьи лечили ее. Ей легко было только с Петей и Пьером, обращавшимся с ней нежно и осторожно. Он не говорил ей о своих чувствах, и то невольное признание она не принимала всерьез. Постепенно «молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоем впечатлений прожитой жизни, оно... начинало становиться прошедшим, и Наташа стала физически оправляться».

Излечило ее покаяние. В конце Петровского поста отраденская соседка Ростовых Белова приехала в Москву поклониться угодникам и предложила Наташе говеть, и та с радостью согласилась. Наташа вставала в три часа ночи, поспешно умывалась и одевалась в самое дурное свое платье. Она радовалась возможности исправления своих пороков. Окончательное духовное исцеление пришло к Наташе в церкви, при чтении молитвы о спасении России от вражеского нашествия. «Она ощущала в душе своей благоговейный и трепетный ужас пред наказанием, постигшим людей за грехи и в особенности за свои грехи, и просила Бога о том, чтобы Он простил их всех и ее и дал бы им всем и ей спокойствия и счастья в жизни. И ей казалось, что Бог слышит ее молитву».

Доктора нашли ее посвежевшей и приписали это действию своих порошков.

В воскресенье Пьер приехал обедать к Ростовым. Первое, что он услышал, — пение Наташи. Она покраснела и подошла к нему. Она хотела услышать, не дурно ли, что она поет, — она доверяла Пьеру. Ее мучило, простит ли ее когда-нибудь князь Андрей, о котором она прочитала в газете. В конце этого сумбурного разговора Наташа вдруг неожиданно признается Пьеру: «Добрее, великодушнее, лучше вас я не знаю человека, и не может быть. Ежели бы вас не было тогда, да и теперь, я не знаю, что бы было со мною, потому что...» Слезы вдруг полились ей в глаза; она повернулась, подняла ноты к глазам, запела и пошла опять ходить по зале».

После обеда читали манифест Ростопчина. Наташа поцеловала расчувствовавшегося отца с бессознательным кокетством по отношению к Пьеру, которое вернулось к ней после болезни. Пьер, смущенный, уехал раньше, чем собирался. Наташа вызывающе спрашивала его, зачем он едет, и, встретившись глазами, они оба «испуганно и смущенно» посмотрели друг на друга. После этого Пьер решил не бывать более у Ростовых.

До 1 сентября семейство Ростовых пребывало в хлопотах по случаю бегства из Москвы. Целый день Наташа и Петя бегали по комнатам и беспричинно хохотали. Наташа веселилась оттого, что слишком долго была грустна, и теперь ничто не напоминало ей причину грусти, теперь она была здорова, и еще потому, что Петя восхищался ею; как замечает Толстой, «восхищение других была та мазь колес, которая была необходима для того, чтобы ее машина совершенно свободно двигалась». Главное же, почему она была весела, — из-за ожидания необыкновенных событий.

31 августа Наташа сидела в своей разоренной комнате на полу и рассматривала бальное платье, «уже старое по моде», в котором она была на петербургском балу. Увидев огромный поезд раненых, она предложила майору, командовавшему обозом, остановиться в их доме и хотела заворотить в свой дом как можно больше раненых. Когда старый граф приказал наконец срочно собираться, Наташа отдалась укладке вещей со свойственной ей страстностью и неожиданно открывшейся практической сметкой. Она приказывала укладывать только ценные ковры и фарфор, и все слушались ее дельных приказаний.

Утром Наташа, увидев, что раненых оставляют, поскольку подводы заняты имуществом, с искаженным злобой лицом вбежала к родителям и закричала, что нельзя оставлять раненых, это «гадость» и «мерзость». Родители, устыдившись, сдались, и Наташа побежала освобождать места на подводах. Она находилась в восторженно-счастливом оживлении, которого давно не испытывала.

2 сентября Ростовы видели зарево пожара Москвы, но Наташа отнеслась к этому равнодушно, она сидела как в столбняке, уставившись глазами на угол печки: Соня сообщила ей утром, что князь Андрей в их поезде и тяжело ранен.

Сначала Наташа много спрашивала о нем, о его ране, но, когда выяснилось, что видеть его нельзя, перестала спрашивать и говорить. Она сидела с широко открытыми глазами и что-то задумывала — состояние, которого так боялась графиня. Наташу била дрожь.

На ночлеге она отказалась лечь в кровать и раскрыла окно. Услышав стон адъютанта за стеной, она затряслась от рыданий. Лежа на полу с краю, Наташа долго прислушивалась к голосам, не шевелилась и не отвечала на вопросы. Выждав, чтобы мать и Соня заснули, Наташа медленно и осторожно встала; перекрестилась и вышла в дверь. Она не знала, для чего, но ей нужно было увидеть князя Андрея. Она вошла в темную избу, где лежал Болконский. Он был такой же, как всегда, но воспаленный цвет его лица, блестящие глаза, устремленные восторженно на нее, нежная детская шея придавали ему особый, невинный, ребяческий вид, которого Наташа никогда не видела в князе Андрее.

Она подошла к нему и быстрым, гибким, молодым движением стала на колени. Он улыбнулся и протянул ей руку.

Наташа, стоя на коленях, испуганно и не в силах шевельнуться, глядела на него, удерживая рыдания. «Лицо ее было бледно и неподвижно, только в нижней части

трепетало что-то». Болконский проговорил: «Вы? Как счастливо!» Наташа быстрым, но осторожным движением подвинулась к нему на коленях и, взяв осторожно его руку, нагнулась над ней лицом и стала целовать ее, чуть дотрогиваясь губами. «Простите! – сказала она шепотом, подняв голову и взглядывая на него. – Простите меня!» «Я вас люблю, – сказал князь Андрей». А потом добавил, что любит ее больше, лучше, чем прежде, и поднял рукой ее лицо так, чтобы мог глядеть в ее глаза.

«Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрели на него. Худое и бледное лицо Наташи с распухшими губами было более чем некрасиво, оно было страшно. Но князь Андрей... видел только сияющие глаза, которые были прекрасны». Доктор прервал свидание, и Наташа вышла из комнаты как разбуженная в середине сна и, вернувшись в свою избу, рыдая, упала на постель.

Первую остановку Ростовы сделали в Троицкой лавре. Настоятель благословил Наташу. Потом Наташа повела Соню в пустую комнату и там как заклинание говорила ей: «Только бы он был жив».

В Ярославле, куда княжна Марья приехала, чтобы увидеть раненого брата, она встретила с Ростовыми. В Наташе она нашла искреннего товарища по горю. Княжна Марья хотела было спросить Наташу о состоянии Андрея, но та зарыдала и закрыла лицо руками. Успокоившись, она обстоятельно рассказала княжне Марье о ране, о ходе болезни; более всего ее пугало то, что два дня назад она поняла: «он слишком хорош, он не может... жить». Они увидели лицо смягчившегося человека, умиленного, отчужденного от всего мирского. Князя не заинтересовал пожар Москвы, и он холодно отвечал сестре, но Наташа чувствовала его душу и видела конец.

И князь присутствие Наташи, ходившей за ним, ощущал физически. Часто она сидела в кресле и вязала чулок, что успокоительно действовало на князя Андрея. В Троицкой лавре они говорили о прошедшем, и он сказал ей, что ежели бы он был жив, то благодарил бы вечно Бога за свою рану, потому что через нее он соединился с Наташей.

Наташа уверила его, что он будет жить, но сама уже видела нравственные признаки конца. Они ходили за ним с княжной Марьей, не плакали при нем, не говорили о нем. Наташа закрыла его глаза и не поцеловала их, а приложила к тому, что «было ближайшим воспоминанием о нем». «Наташа и княжна Марья плакали тоже теперь, но они плакали не от своего личного горя, ...охватившего их души перед сознанием простого и торжественного таинства смерти, совершившегося перед ними».

После смерти князя Андрея Наташа и княжна Марья, «нравственно согнувшись и зажмурившись от грозного, нависшего над ними облака смерти, не смели взглянуть в лицо жизни... все... болезненно раздражало рану, казалось оскорблением и нарушало ту необходимую тишину, в которой они обе старались прислушиваться к не замолкшему еще в их воображении страшному, строгому хору, и мешало вглядываться в те таинственные бесконечные дали, которые на мгновение открылись перед ними».

Когда княжна Марья уехала по делам, Наташа целые дни проводила в своей комнате; забравшись с ногами на диван, что-нибудь переминала и разрывала своими тонкими, напряженными пальцами. «Уединение это изнуряло, мучило ее; но оно было для нее необходимо». Когда кто-нибудь входил, она бралась за книгу или шитье, ожидая ухода того, кто помешал ей. «Она смотрела туда, куда ушел он, на ту сторону жизни. И та сторона жизни, о которой она прежде никогда не думала, которая прежде ей казалась такою далекою, невероятною, теперь была ей ближе и роднее, понятнее, чем эта сторона жизни, в которой все было или пустота и разрушение, или страдание и оскорбление».

Наташа, вспоминая, исправляла что-то в прошедшем. Так продолжалось до конца декабря; она, в черном шерстяном платье, с небрежно связанной в пучок косой, худая и бледная, сидела на диване, когда ей сообщили о гибели Пети. «Вдруг как электрический ток пробежал по всему существу Наташи». «Она почувствовала страшную боль» — и «освобождение от запрета жизни, лежащего на ней». Увидав плачущего отца и услышав из-за двери страшный, грубый крик матери, она «мгновенно забыла себя и свое горе».

Наташа нагнулась над матерью, обняла ее, с неожиданной силой подняла, повернула к себе ее лицо и прижалась к ней. Она, не замолкая ни на секунду, шептала ей слова нежности и любви, боролась с ней, не спала и не отходила от матери. Только Наташа могла удерживать ее от безумного отчаяния. Три недели Наташа безвыходно жила при матери и не переставая говорила с ней — один нежный ласкающий голос ее успокаивал графиню. «Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину ее жизни... Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта новая рана вызвала Наташу к жизни... Любовь к матери показала ей, что сущность ее жизни — любовь — еще жива в ней. Проснулась любовь, и проснулась жизнь».

Наташа за это время очень сблизилась с княжной Марьей, у них установилась страстная и нежная дружба, возможность жизни только в присутствии друг друга. Наташа слушала рассказы княжны о ее жизни и начинала понимать, что такое преданность, покорность, христианское самоотвержение.

Иногда на Наташу находил не только страх смерти, но и страх болезни, слабости, потери красоты, и она невольно долго рассматривала свою голую руку, удивляясь ее худобе, или рассматривала свое вытянутое, жалкое лицо в зеркале. Хотя Наташа и не осознавала этого, все это были симптомы возрождения. «Она не знала этого, не поверила бы, но под казавшимся ей непроницаемым слоем ила, заставшим ее душу, уже пробивались тонкие, нежные молодые иглы травы, которые должны были укорениться и так застлать своими жизненными побегами задавившее ее горе, что его скоро будет не видно и не заметно».

Княжна Марья отправлялась в Москву, и граф настоял, чтобы Наташа ехала с ней — надо было посоветоваться с докторами. В это время в Москву приехал и Пьер. Мысль о Наташе редко приходила к нему, он теперь видел в том чувстве много умышленного. Пьер узнал о присутствии княжны Марьи в Москве и в тот же вечер был у нее в доме. Он увиделся с княжной в ее комнате; присутствующую тут же девушку в черном платье он принял за компаньонку княжны. Когда княжна Марья спросила Пьера, не узнает ли он даму в черном, он взглянул на нее и ощутил что-то родное, давно забытое и больше чем милое в этом строгом лице. И это лицо с внимательными глазами улыбнулось и обдало Пьера давно забытым счастьем. Он понял, что любит ее. Смущение Пьера отозвалось в Наташе удовольствием, чуть заметно проявившимся наружно.

Наташа долго, перебивая себя и торопясь, рассказывала Пьеру то, что еще никому не могла доверить, — о трех неделях путешествия и о жизни в Ярославле. Этот мучительный и радостный рассказ был необходим для нее. Между Наташей и Пьером возникло удивительное чувство понимания и сочувствия. Наташа «не упускала ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагиванья мускула лица, ни жеста Пьера. Она на лету ловила еще не высказанное слово и прямо вносила в свое раскрытое сердце, угадывая тайный смысл всей душевной работы Пьера».

И снова Наташа демонстрирует умение понять сущность природы человека, хотя и выражает это по-своему. Она говорит княжне Марье о Пьере: «Он сделался какой-то чистый, гладкий, свежий; точно из бани, ты понимаешь? — морально из бани». При прощании с Пьером (он уезжал в Петербург) Наташа прибавила шепотом, что очень будет его ждать, и эти слова в последующие два месяца составляли предмет воспоминаний и счастливых мечтаний Пьера.

И сама Наташа вступила в новую полосу жизни: «Проснувшаяся сила жизни, охватившая Наташу, была, очевидно, так неудержима, так неожиданна для нее самой, что княжна Марья в присутствии Наташи чувствовала, что она не имела права упрекать ее даже в душе своей. Наташа с такой полнотой и искренностью вся отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело».

В Наташе в эти дни изменилось все: лицо, походка, взгляд, голос. Она как будто забыла все, что с ней было. О Пьере она говорила мало, но при упоминании о нем в глазах Наташи заигрался «давно потухший блеск». Она призналась княжне Марье, что любит

Пьера, и заплакала, как бы прося прощения. Она мечтала, чтобы княжна Марья вышла за Николая. Счастливая, она хотела счастья и для других.

Ранней весной 1813 года Наташа вышла замуж за Пьера. Вскоре умер ее отец. Николай женился на княжне Марье, и две семьи очень дружили.

В 1820 году у Наташи уже было три дочери и сын, которого она страстно желала и сама кормила. «Она пополнила и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка». Прежний огонь зажигался в ней редко: когда возвращался муж, когда выздоравливал ребенок или когда она с графиней Марьей вспоминала о князе Андрее. Очень редко и случайно что-либо вовлекало ее в пение. В те же редкие минуты, когда прежний огонь зажигался в ее теле, она бывала еще более привлекательна, чем прежде.

В обществе молодую графиню Безухову видели мало, и те, которые видели, остались ею недовольны. Она была ни мила, ни любезна. «Нося, рожая и кормя детей и принимая участие в каждой минуте жизни мужа», она «не могла удовлетворить этим потребностям иначе, как отказавшись от света». Она, то что называют, опустилась. Наташа не заботилась ни о своих манерах, ни о деликатности речей, ни о своем туалете. Прежние очарования, считала она, были бы смешны теперь в глазах мужа, которому она отдавалась вся — то есть всей душой. «Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми поэтическими чувствами, которые привлекали его к ней, а держалась чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с ее телом».

Она целиком погрузилась в семью. Толки о правах женщин были ей непонятны. Чем менее Наташа любила общество, тем более дорожила обществом родных — графини Марьи, матери и Сони. «Она дорожила обществом тех людей, к которым она, растрепанная, в халате, могла выйти большими шагами из детской с радостным лицом и показать пеленку с желтым вместо зеленого пятна, и выслушать утешения о том, что теперь ребенку гораздо лучше». Вопрос о том, кто в семье главный, не мучил ее.

Наташа до такой степени опустилась, что ее костюм, ее прическа, ее невпадет сказанные слова, ее ревность (она ревновала мужа ко всем женщинам) были обычным предметом шуток всех ее близких. Общее мнение было то, что Пьер под башмаком своей жены, и действительно это было так. С самых первых дней их супружества Наташа заявила свои требования, и Пьер был польщен и подчинился им. Взамен этого Пьер имел полное право у себя в доме располагать всей семьей. Стоило ему выразить желание, как Наташа вскакивала и бежала исполнять его. Она старалась угадывать желания мужа и требовала их неукоснительного исполнения.

Так, в тяжелое время после родов первого слабого ребенка, когда им пришлось сменить трех кормилиц и Наташа заболела от отчаяния, Пьер однажды сообщил ей о соображениях Руссо о неестественности и вреде кормилиц. С тех пор Наташа кормила детей сама.

«После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это потому, что он видел, себя отраженным в своей жене. <...> И отражение это произошло не путем логической мысли, а другим — таинственным, непосредственным отражением».

Выслушав спор мужа с Николаем, Наташа «не сомневалась, что мысль Пьера была великая мысль, но одно смущало ее. Это было то, что он был ее муж. «Неужели такой важный и нужный человек для общества — вместе с тем мой муж?» Перебирая в уме тех людей, что были уважаемы мужем, Наташа вспомнила и Платона Каратаева и захотела узнать у Пьера, одобрил бы Платон теперь Пьера. «Нет, не одобрил бы, — сказал Пьер,

---

подумав. – Что он одобрил бы, это нашу семейную жизнь. Он так желал видеть во всем благообразии, счастье, спокойствие, и я с гордостью бы ему показал нас».